

18+
ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВ

Девочка и кошка

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Геннадий Дмитриев

**Девочка и кошка.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Дмитриев Г.

Девочка и кошка. Сборник рассказов / Г. Дмитриев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981270-4

Пилот планера, сбившись с маршрута, приземлился возле небольшого приморского посёлка. Встретившаяся ему девочка утверждала, что посёлок этот называется Каперна и расположен между Лиссом и Зурбаганом. Неужели он действительно попал в мир, придуманный Александром Грином? Так ли это и что стало с девочкой через десять лет? Все рассказы этого сборника объединяет то, что навеяны впечатлением от волшебного мира, созданного воображением любимого многими поколениями писателя.

ISBN 978-5-44-981270-4

© Дмитриев Г.
© Издательские решения

Содержание

Девочка и кошка	6
Десять лет спустя	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Девочка и кошка Сборник рассказов

Геннадий Дмитриев

© Геннадий Дмитриев, 2020

ISBN 978-5-4498-1270-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девочка и кошка

Планер уверенно набирал высоту. Облако, породившее восходящий поток, висело над мной, и с каждым витком спирали становилось всё ближе и ближе. Лёгкое, невесомое, белоснежное издали, вблизи казалось оно тяжёлым, тёмным и мрачным, накрывшим собою весь мир. Грязные, тёмно-синие космы свисали по краям. Облака образуются от термических потоков, когда тёплый влажный воздух, поднимаясь вверх, охлаждается и превращается в обыкновенный туман. Облачко, рожденное потоком, растёт, развивается, и превращается в тяжёлое кучевое облако, которому больше не нужен родивший его поток. Оторвавшись от него, оно само, словно огромным насосом, всасывает в себя воздух, образуя новое, мощное восходящее течение.

Как дети, выросшие, возмужавшие и покинувшие родительский дом, гордо плывут облака над необъятными просторами, чтобы где-то там, в далёком краю, упасть проливным дождём на землю и умереть.

Планер уже под самым облаком, пора выходить из спирали и продолжать полет по маршруту, но я решил набрать ещё несколько сотен метров. В облаке восходящий поток усилился, и когда я попытался выйти из него, то уже не смог. Планер не слушался рулей, продолжая вращаться, поднимался всё выше и выше. Да и выходить из потока опасно, рядом, воздух с такой же скоростью устремляется вниз, и резкий переход из восходящего потока в нисходящий может разрушить лёгкий летательный аппарат.

Теперь меня несло вместе с облаком в неизвестном направлении. Я пожалел о своей глупости. Поздно. О полёте по маршруту нечего было и думать. Вырваться бы целым из этого потока. Меня тянуло вверх, но на трех с половиной тысячах метров поток стал ослабевать, и на четырех облако отпустило меня. Хорошо, что так всё кончилось, без кислородного прибора я мог потерять сознание, если бы затащило выше.

Облако, взявшее меня в плен, распалось, таяло, исчезало. Под крылом лежали поля, лесополосы, узкие ниточки просёлочных дорог, вдали, в синеватой дымке, угадывался берег моря. Нужно подойти ближе, и по очертанию береговой линии восстановить потерянную ориентировку. Но пока я летел в сторону побережья, пока сличал карту с местностью, кружа над берегом и не находя знакомых ориентиров, планер потерял высоту. Связи с аэродромом не было. Напрасно пытался я зацепиться за какой-нибудь поток, воздух был тих и спокоен. Пора выбирать место для посадки. Под крылом проплыла бухта, небольшое селение, стоящий на рейде парусник да лодки у причала. Ни этой бухты, ни похожего селения, на карте я не находил.

Посадив планер в поле, недалеко от поселка, я тупо уставившись в карту, пытался определить своё местонахождение. «Нужно идти в село» – подумал я, и посмотрел в том направлении, где находился неизвестный мне населённый пункт. И вдруг увидел маленькую девочку, лет десяти, которая бежала к планеру.

– Птица! Птица! – кричала она. – Какая красивая птица!

Она подбежала к планеру, поздоровалась с ним, а потом и со мной.

– Как зовут твою птицу? – спросила девочка.

– Ее зовут «Бланик», – ответил я.

– Это некрасивое имя, придумай ей другое! У птицы должно быть красивое имя.

– Но я не могу придумать другое имя, так называется этот планер.

– Тогда я сама придумаю имя для нее, хочешь?

– Ну, что ж, придумай, – ответил я.

Пока девочка придумывала новое имя для моего планера, я спросил:

– Скажи, а как называется этот посёлок?

– Это Каперна.

– Какая Каперна? – удивился я, населённого пункта с таким названием на моей полетной карте не было.

– Та, что между Лиссом и Зурбаганом, – ответила девочка. – Разве ты не знаешь?

Я остолбенел. Боже мой! Куда я попал? В какие края занесло меня это облако? Как бы там ни было, но я не мог попасть в мир, придуманный Грином!

– А ты ничего не путаешь? Это действительно Каперна, что находится между Лиссом и Зурбаганом?

– Да, да, именно та Каперна!

Нужно пойти в посёлок, дать телеграмму в аэроклуб, чтобы выслали самолёт-буксировщик. Но куда? Куда должен вылететь буксировщик? В ту далёкую страну, существующую лишь на страницах произведений Грина? Что же это было за облако? Какое-то не такое оно было. Слишком тёмное. И поток усилился сразу, а не постепенно, как обычно. А может быть, мне это только снится? Все это сон. Нет, не похоже. Но, всё равно, нужно идти в посёлок.

– У вас есть почта, телефон, телеграф?

– Нет, – ответила девочка, ничего такого у нас нет. Ни почты, ни телеграфа.

– А что, если кому-то из жителей нужно отправить письмо?

– В бухте стоит корабль. Если хочешь отправить письмо, напиши и отдай его капитану. Завтра утром он уйдёт в Зурбаган. Там есть почта.

– И часто корабли приходят в вашу бухту?

– Нет, нечасто, – вздохнула девочка, – совсем не часто, только иногда, по дороге в Лисс или в Зурбаган. А на прошлой неделе, – продолжала она, понизив голос до шепота, – к нам приходили пираты, на большом черном корабле. А за мысом, их ждал большой-пребольшой фрегат. И был бой, настоящий морской бой! Я слышала, как стреляли пушки! И пиратский корабль утонул.

– А может быть утонул другой корабль?

– Нет, – вздохнула она, – утонули пираты. Потом, на другой день, к берегу прибило обломки: кусок мачты и флаг. Такой страшный, весь чёрный с черепом и костями. Я его спрятала в своей хижине.

– Не надо было этого делать. Что сказали твои родители?

– Мне никто ничего не сказал, – вздохнула она. – Я живу одна. Мои родители утонули, их корабль разбился о скалы в проливе Кассет.

– Бедный ребёнок! Ты живешь совсем одна?

– Нет, с кошкой. У меня есть кошка, она такая ласковая, пушистая. Мы спим вместе, обнимемся, и спим. Она поёт мне песенки, а я пою её молоком.

– А где ты берешь молоко?

– Соседи приносят. Они приносят молоко мне, а я отдаю кошке.

– А что же ты ешь сама?

– Вчера мне приносили кашу, а сегодня я ела рыбу. В поселке много добрых людей.

– Мне нужно сходить в поселок, сообщить туда, откуда я прилетел, где я нахожусь. Хотя я этого и сам не знаю.

– Тогда напиши письмо, и отдай капитану корабля.

– А как называется тот корабль?

– «Бегущая по волнам». Так и скажи: «Передайте письмо капитану „Бегущей по волнам“».

– А капитана зовут Вильям Гез?

– Нет, его зовут Владимир Иванович.

– Ты его знаешь?

– Конечно! Он иногда катает меня на своем корабле.

«Что-то не так, – подумал я, – похоже, что я нахожусь где-то между реальностью и фантазией. Может быть и название корабля, и населенных пунктов взяты из произведений Грина? И все это не имеет никакого отношения ни к Фрези Грант, ни к Ассоль?»

– А ты слышала что-нибудь о Фрези Грант?

– Да, – девочка снова заговорила шепотом, – совсем недавно я видела её! Она шла по лунной дорожке, прямо по волнам!

– Тебе это не показалось?

– Нет, это была она! Я точно знаю.

Всё перепуталось у меня в голове. Где же я всё-таки нахожусь? Нужно пойти в посёлок, может быть, удастся прояснить ситуацию.

– Я схожу в посёлок.

– Сходи, а я побуду с твоей птицей, можно?

– Конечно, можно.

– Мы с ней подружимся! Иди, а я пока придумаю ей имя.

Я спускался по узкой, крутой тропе. Рассматривал сверху и посёлок, и бухту, пытаюсь высмотреть что-либо, указывающее на принадлежность к нашему, привычному миру. Но кроме красных черепичных крыш, корабля, стоящего на рейде, нескольких парусных и гребных лодок у причала, ничего не увидел.

Я шёл по пыльной улице мимо маленьких домиков, утопающих в зелени садов, и вдруг на одном из них увидел надпись: «Почтовое отделение Береговое».

«Село Береговое, сто пятьдесят километров на северо-восток от аэродрома. Какая, к черту, Капера?!» – пронеслось у меня в голове.

Я зашёл на почту. Всё как обычно. Телеграф, телефон, прием посылок и бандеролей. Двое посетителей: мужчина и женщина – видимо, ждут телефонные переговоры.

– Можно дать телеграмму? – спросил я девушку, работницу почтового отделения.

– Можно, вот, заполняйте, – она протянула мне бланк телеграммы.

– Это село Береговое?

– Да, Береговое.

– Слава Богу! А то я уже подумал... Тут одна девочка...

– Вы, наверное, встретили Алису? Она Вам наговорит! Бедный ребенок. Она живет в своём, выдуманном мире, и никак не может свыкнуться с реальностью.

– Конечно, – вздохнул я, – она ведь живёт одна, с кошкой.

– С кошкой? Да нет у нее никакой кошки! Родители терпеть не могут в доме животных!

И живёт она не одна, у неё порядочная семья, отец – очень состоятельный человек, директор банка! Они приезжают сюда каждое лето, у них своя яхта. Настоящий двухмачтовый парусник! Видели? В бухте стоит. Девочка не совсем нормальная. По каким врачам они её только не возили! И к заграничным профессорам ездили – ничего не помогает. Она никак не может осознать реальность, живёт в сказке, которую выдумала сама. Доктора рекомендуют чаще бывать на природе, вот и ездят сюда каждое лето. Бедные, родители, как они с ней мучаются!

– Это родители у неё не совсем нормальные! – ответила женщина, ожидавшая телефонные переговоры. – Они никак не поймут, что ребёнку не нужны американские мультики, роскошные автомобили и яхта – ребёнку нужна сказка. Ей не нужны компьютерные игры, тамгочи, куклы «Барби», ей нужна кошка. Обыкновенная, живая, пушистая кошка! Дома только и разговоров, что о деньгах, о вкладах, о процентах. Вот она и выдумала себе сказку. А ребёнок вполне нормальный. Ей дарят подарки, дорогие игрушки, но никто из них не способен подарить ребёнку сказку. И кошку, о которой она так мечтает.

Отослав телеграмму, я вернулся к планеру. Девочка гладила его рукой и разговаривала с ним.

– Ну что, ты придумала имя моей птице?

– Придумала! Я назвала её Ассоль. Мы с ней подружились.

– Но этим именем звали девочку, которая ждала корабль под алыми парусами, разве это имя годится для птицы?

– Ведь это красивое имя?

– Красивое.

– Ну вот, я буду звать твою птицу этим именем. Ассоль очень хотела, чтобы к ней приплыл корабль с алыми парусами, и он приплыл. Если чего-то очень, очень хочешь, то обязательно сбудется. И твоя мечта сбудется, потому, что я назвала этим именем твою птицу.

– А у тебя есть мечта?

– Есть, только это большой секрет, очень большой. Но тебе скажу. Я хочу летать, летать, как птица.

– За мной скоро прилетит самолёт. Птица эта сама не может подняться в небо, у нее нет мотора. А когда прилетит самолёт, я попытаюсь воплотить твою мечту. Подождешь?

– Подожду, мне ведь некуда спешить.

В ожидании самолёта я рассказывал девочке о полетах на планере, о восходящих и нисходящих потоках, облаках, объяснял действие рулей. А она рассказывала о море, о пиратах, о девушке, бегущей по волнам, и корабле под алыми парусами.

Самолёт прилетел через два часа. Жора, пилот Як-12-го, подошел к нам:

– Как тебя сюда занесло? Давай, подкатим планер поближе, подцепим фал.

– Погоди Жора. У меня просьба. Сделаем круг, прокатим девочку на планере.

– Времени нет! Скоро вечер, что, садиться потом в сумерках будем?

– Да, успеем мы до вечера. Поднимешь меня на триста метров, сделаю круг и сяду, потом полетим.

Жора посмотрел на часы.

– Ладно, успеем, давай подкатим планер.

Мы подкатали планер поближе к хвосту самолёта, и прицепили буксирный фал. Я подошёл к девочке.

– Я могу исполнить твою мечту. Хочешь полетать со мной на этой птице? Сама будешь ей управлять.

– Я?! Ты возьмёшь меня?! Конечно! Конечно, хочу!

– Тогда садись в первую кабину. Когда взлетим, возьмёшь штурвал, поставишь ноги на педали, будешь повторять движения за мной. Понятно?

– Понятно!

– Ну, тогда полетели.

Мы уселись в кабину, я подал Жоре знак, что к взлету готов. Самолёт медленно продвигался вперёд, выбирая слабинку фала. Когда он натянулся, Жора увеличил мощность двигателя до взлётной, и мы начали разбег. Планер уже оторвался от земли, а самолёт всё ещё бежал, поднимая пыльный след. Наконец этот след оборвался, и самолет пошел вверх, увлекая нас за собой. Мы набрали высоту. Жора помахал крыльями, подавая знак, что я могу отцепить планер от самолета. Я потянул ручку отцепки, освобождаясь от буксира.

Мы летели над бухтой, над посёлком с красными черепичными крышами, над стоящим на рейде парусником и лодками на причале. Девочка держалась за управление, повторяя мои движения, и с замиранием сердца смотрела на великолепный мир, плывущий под крылом. Нас окружала тишина, и только ветер свистел в крыльях. Душу наполняло ощущение полёта, свободы, лёгкости и безмятежного счастья. Ребёнок, впервые поднявшись в воздух на легком безмоторном аппарате, ощутил себя птицей в бескрайней синеве неба.

Когда мы приземлились, она бросилась мне на шею и прошептала:

– Спасибо тебе. Ты исполнил мою мечту. Теперь я тоже умею летать, как эта птица!

Жора уже прицепил к планеру фал, и я сказал девочке:

– А теперь, прощай. Мне нужно улетать.

– А ты вернешься когда-нибудь?

– Да, я вернусь, я непременно вернусь, сюда, в Каперну, что между Лиссом и Зурбаганом.

Со стороны посёлка поднялся столб пыли, он приближался. К нам на большой скорости мчался джип. Он подъехал и остановился возле планера. Мужчина и женщина выскочили из него, и бросились у девочке.

– Алиса! Опять ты сбежала из дома! – строго сказал мужчина. – Быстро садись в машину! Снова ты морочишь людям голову своими бреднями! Сколько раз тебе говорить, чтоб без разрешения родителей ты не смела выходить из посёлка?!

Девочка посмотрела на меня, на глазах ее выступили слезы.

– Прощай, не верь им! Это все неправда, я живу одна. Одна, с кошкой!

Она сложила руки, будто прижимала к груди маленького зверька, повернулась и побежала к машине.

– Простите её, – сказал мужчина, – она всегда рассказывает людям разные глупости. Не обращайтесь внимания.

– За что же я должен простить её? – ответил я. – Ведь это не глупости, и не бредни. Это мечта.

Геннадий Дмитриев Одесса – 2010

Десять лет спустя

Наш небольшой провинциальный городок, расположенный на самом берегу моря, пожалуй, мог бы служить иллюстрацией к произведениям Александра Грина, было в нём что-то от Лисса, а, возможно, и от Зурбагана. Узкие, сбегаящие к морю улочки, поросшие фруктовыми садами прибрежные дачи, красные черепичные крыши которых создавали особый, неповторимый колорит, причалы и портовые сооружения, пришвартованные и стоящие в бухте на рейде суда – всё это придавало городу нечто такое, чего нет и не может быть у других, далёких от моря городов. Сходство нашего города с гриновским Лиссом дополнял, расположенный на северной окраине аэродром местного авиационного клуба, ведь и в Лиссе был клуб воздухоплателей. Жизнь в городе протекала тихо и спокойно, без особых событий, и только летом, в курортный сезон сюда съезжались гости из разных мест, лишенных близости моря и обилия солнца. Приезжали и столичные знаменитости, устраивали концерты, театральные представления и творческие вечера. И тогда вся городская элита и простые обыватели, сменив пляжные костюмы на вечерние платья, наполняли театры и концертные залы.

Но то, о чём я хочу рассказать, не имеет никакого отношения к тем знаменательным событиям, которые заинтересовали бы всех обитателей нашего провинциального городка. Дело в том, что в нашем авиационном клубе намечалось соревнование по планерному спорту. И если футбольные матчи, которые иногда проходили и в нашем городе, собирали на стадион толпы обывателей, но авиационные соревнования никак не отражались на городской жизни. И все-таки, планерные соревнования – это необычное, красочное зрелище, когда десятки планеров, словно большие белые птицы, кружат в восходящем потоке, набирая высоту, они поднимаются выше и выше в полной тишине, не нарушаемой звуком моторов. Победить в соревновании может только тот, кто чувствует небо, умеет читать его знамения, называемые в метеорологии сухим термином – местные признаки погоды. Говорят, что планерист, как шахматист, должен смотреть на два хода вперед, уметь прогнозировать развитие погодных условий лучше синоптика, который руководствуется снимками из космоса, данными метеозондов и прочей информацией, планерист руководствуется только своим чутьём. Организация соревнований – простое дело, занимается ей не один человек, мне же было поручено разработать маршрут полётов. Казалось бы, что может быть проще? Построить на полётной карте равносторонний треугольник с периметром в сто километров – и маршрут готов, но не всё так просто, как кажется. Нужно учесть многое: рельеф местности, маршруты авиалиний, зоны, полеты над которыми запрещены, направления ветров и особенности погоды, характерные для этих мест, площадки, подходящие для посадки планеров, в случае потери потока и невозможности далее продолжать полёт, при этом нужно ещё обеспечить посадку самолёта-буксировщика для подъёма этих планеров. Когда всё это продумано, и маршрут нанесён на карту, нужно пролететь его на самолёте, приземляясь в местах поворотных пунктов, выбрать, где разместить судей. Задача судьи на поворотном пункте простая – увидев планер, связаться по радио с пилотом, уточнить его позывной и занести в журнал время прохождения им поворотного пункта.

Я смотрел на карту и думал, где разместить поворотные пункты? Получалось так, что треугольник маршрута упирался одной из своих вершин в береговую линию, я немного развернул его и нарисовал кружок поворотного пункта возле населённого пункта Береговое. Название этого небольшого поселка заставило меня улыбнуться, я вдруг вспомнил, как десять лет назад, встретил там девочку, которая жила в своем, придуманном мире, мечтала о кошке и убеждала меня, что это маленькое село – Каперна, расположенная между Лиссом и Зурбаганом, да так, что я и сам поверил, будто вдруг каким-то непонятным образом перенесла меня судьба в волшебный мир, выдуманный Александром Грином. Где эта девочка и что стало с ней?

Я показал маршрут начальнику аэроклуба и, получив одобрение и разрешение пролететь по нему на самолете, пошёл к стоянке, где, как символ времен юности, стоял старый «Як-12». Сейчас для буксировки планеров есть другие, более современные машины, например, польская «вильга», но я не любил этот самолет, напоминающий неуклюжее горбатое насекомое на длинных тонких, неестественно подогнутых ногах, и по-прежнему предпочитал старый, добрый, хоть и прожорливый, по современным меркам, «Як-двенадцатый».

Когда населенный пункт, под названием «село Береговое», отмеченный на карте кружком поворотного пункта, оказался под крылом самолета, я снизился, выискивая место для посадки и размещения судьи. Того поселка, напоминавшего рыбацкие поселения, сошедшие со страниц рассказов Грина, я не узнал – вместо низких хат под красными черепичными крышами под мой раскинулось множество разноэтажных домов с вычурной архитектурой, но совершенно различной по стилю, каждый из которых представлял собой, несомненно, некое произведение искусства, но все вместе они выглядели уродливо и крикливо.

Посадив самолёт в поле, я направился было в поселок, к морю, но, куда бы я ни шёл, на пути моём возникал забор с надписью: «Частная собственность. Проход и проезд запрещен». Обнаружил я и въезд, выполненный в виде крепостных ворот, размещённых между двумя башенками с узкими окнами-бойницами, на воротах красовалась табличка: «Частная собственность. Вход и въезд только по спецпропускам». Я оставил попытки проникнуть в поселок, поняв, что мне там делать нечего, и вернулся к самолету. Меня волновал вопрос: не нарушил ли я право чьей-то частной собственности, приземлившись на этом, не засеянном ничем поле? Ведь, если это выяснится уже в ходе соревнований, и судью, нарушившего границы частных владений, попросят убраться отсюда, то результата будет печальным, соревнования окажутся сорванными. Нужно было связаться с местным поселковым советом, но как это сделать, если пройти на территорию посёлка невозможно? Я подошёл к единственной, ведущей в посёлок дороге, и стал ждать, пока кто-нибудь ни будет ехать в посёлок или выезжать из него.

Не прошло, наверное, и двадцати минут, как из ворот выехал джип кофейного цвета и направился в мою сторону, я поднял руку, машина остановилась. За рулем сидел молодой человек, стекло со стороны пассажира опустилось, и из окна выглянула молодая симпатичная особа, вопросительно уставившись на меня.

– Извините, – сказал я, обращаясь к ней, – хотел спросить...

Но вдруг дверца машины открылась, девушка выпорхнула из неё с возгласом:

– Боже мой! Да, это Вы?! Ну конечно же, это Вы! Разве Вы не узнаете меня?! Прошло столько времени! А я Вас сразу узнала!

– Алиса?! Неужели?! – воскликнул я. В ней трудно было узнать ту маленькую девочку, которая жила в своем, выдуманном мире, но что-то неуловимое во взгляде, в жестах, в интонациях, подсказывало, что это она. – Так это Вы? Девочка, которая жила в Каперне, что между Лиссом и Зурбаганом и мечтала о кошке?

– Да, да, это я! – засмеялась она. – Только Каперны больше нет, – взгляд её стал грустным, она вздохнула, – теперь это дачный поселок под названием «Пальмира», или, как называют его местные жители, «Палермо», тут главарей мафиозных кланов больше чем на Сицилии. И кошки у меня по-прежнему нет. Помните тот парусник, что стоял у причала? Отец продал его и купил современную моторную яхту, говорил, что содержать парусник слишком дорого, впрочем, и яхта эта никому не нужна, мы всего три раза отходили от причала, катались вдоль берега, а в остальном отец принимает на ней партнеров по бизнесу, ведёт переговоры, такой плавучий офис, не больше.

– Всё меняется, – ответил я, – я тоже не узнал этот поселок с воздуха, Вы повзрослели, и сказка кончилась.

– Это Ваш самолёт? – спросила она. – Можно посмотреть?

– Конечно, идёмте.

– Жди меня здесь! – строго сказала она молодому человеку, который так и оставался сидеть за рулем, и в ответ на распоряжение, только молча кивнул.

– Ваш водитель? – поинтересовался я.

– Нет, – ответили она с вызовом, – мой жених!

– Странно, – пробормотал я.

– Что странно? Что он никак не прореагировал на Ваше присутствие? Мы не любим друг друга, отец решил расширить бизнес, объединить наши капиталы и капиталы отца этого телёнка. Я просто обязана выйти за него замуж, если я откажусь, банк его отца может постигнуть крах, он знает это, и ни в чём не перечит мне. Иногда меня это забавляет, иногда бесит, но больше всего мне хочется бросить всех и всё и бежать. Но не могу, не имею права, да и бежать мне некуда. В детстве можно было убежать в свою, выдуманную страну, жить в своём, придуманном мире, спрятаться в нём, как в норке, отгородиться ото всех бед и несчастий. Но детство кончилось, и однажды, проснувшись утром, я поняла – нет никакой Каперны, нет ни Лисса, ни Зурбагана, и яхта, что называлась «Бегущая по волнам», больше не стоит у причала. Больше негде укрыться от реальности, нужно воспринимать мир таким, каким он есть, злым и жестоким, нужно научиться жить по его законам. И, когда я поняла это, вся жизнь внезапно потеряла смысл.

– Я где-то читал, уже не помню где и когда, что мир не добр и не жесток, он таков, каким мы его делаем сами. Да, детство кончилось, нельзя убежать в свой выдуманный мир, но появляется иная возможность, которой не было у нас в детстве – мы можем сами строить свой мир таким, в каком жить будет хорошо и просто, правда построить его нелегко, но это реально, каждый сам строит свой мир.

– А Вы? Вам удалось построить свой мир?

– Я стараюсь, каждый день я кладу маленький кирпичик в основание своего мира, главное, не разрушить то, что уже построено.

Мы подошли к самолёту, она посмотрела, тронула рукой обшивку фюзеляжа и сказала:

– Станный самолёт, как из прошлой жизни, сколько же ему лет?

– Больше, чем Вам, – ответил я, – он, действительно, из прошлой жизни, старый, несовременный, но до сих пор ещё летает.

– У меня была мечта, я хотела летать, как птица, Вы исполнили эту мечту, тогда, помните, когда взяли меня в полёт.

– А теперь? Теперь у Вас есть мечта?

– Вы будете смеяться, но у меня всё та же мечта: я хочу летать, как птица, летать над миром, как летал Друд, и ещё хочу, чтобы у меня была кошка. В этом мире нет ни одного живого существа, которому нужна была бы моя любовь.

– А Ваши родители? Ведь они любят Вас, и нуждаются в Вашей любви.

– Наверное, любят, – сказала Алиса, и взгляд её стал каким-то горьким, печальным, – но главное для них – деньги, бизнес, они и меня выдают замуж ради денег, а не ради моего счастья, да и счастье у них определяется количеством денег. Я же не имею права ни на что, я только средство расширения бизнеса, понимаете?

– Родители всегда желают счастья для своих детей, просто все понимают это по-разному, они хотят, чтобы Вы были обеспечены всем, чтобы жили в достатке, им непонятны Ваши мечты.

– Когда я была маленькой, то думала, что люди могут летать, ну так, как Друд в «Блестящем мире», потом я поняла, что это невозможно, но тот полёт на планере я никогда не могла забыть. Я хотела заниматься в аэроклубе, но отец не дал денег, он сказал, что не надо заниматься глупостями, если потребуется куда-то полететь, то он закажет мне билет бизнес класса в любой авиакомпании. Скажите, а много нужно платить за то, чтобы заниматься в аэроклубе?

– Кода-то, когда я только начинал летать на планерах, это всё было бесплатно, нас даже кормили бесплатно, а потом... После развала Советского Союза нужно было платить за горючее и за всё остальное, это было по средствам только весьма состоятельным людям. Но теперь многое изменилось, когда выбрали нового мэра города. Он бывший военный лётчик, начинал летать в нашем аэроклубе, сейчас он человек не бедный, у него заводы, строительные фирмы, он спонсирует аэроклуб, для студентов нашего университета занятия вообще бесплатны, так что, поступайте в университет и не будет никаких проблем.

– Да?! – обрадовано воскликнула Алиса, но тут же взгляд её помрачнел, она вздохнула и с печалью в голосе сказала: – Отец хочет отправить меня на учебу в Англию, он даже и слышать не желает о том, чтобы я училась здесь. Хочет, чтобы я училась банковскому делу.

– А Вы? Вы сами чему хотите учиться?

– Меня всегда влекла тайна рассказов и повестей Грина, волшебство слов, мелодия текста, я хотела поступать на филологический, но... Меня тревожит одно обстоятельство, если тайна будет раскрыта, что станет с волшебством? Знаете, как в цирке, когда фокусник очаровывает зрителей своим волшебством, и вдруг нам рассказывают тайну фокуса, волшебство исчезает, всё становится обыденным и скучным, очарование пропадает, и уже незачем идти в цирк, – ведь мы знаем, что это вовсе не волшебство, а просто обман. Что будет, если тайна очарования рассказов Грина будет раскрыта? Если мелодию звуков заменят научные термины? Не пропадет ли очарование?

В отличие от фокусника, писатель не обманывает читателя, он рисует картину, скажите, разве может исчезнуть очарование картины, если мы узнаем состав красок? Не бойтесь, поступайте на филологический.

– А как же отец? Он не позволит.

– Вы уже взрослая, Вы окончили школу, и можете сами строить свою жизнь, нет, я не призываю Вас ссориться с родителями, но всегда можно договориться, ведь они любят Вас и желают Вам счастья. И потом, чем может помешать филологическое образование финансовому?

– Да, наверное, Вы правы, я попробую поговорить с отцом. Нет, сначала нужно поступить в университет, потом поговорю, но в этом году уже поздно. Поздно, как Вы думаете?

– Нет, Алиса, ещё не поздно, приёмная комиссия работает до конца этой недели, Вы ещё успеете подать документы.

– Вы уверены? Откуда Вы знаете, что она работает до конца недели?

– Дело в том, что я сам член приёмной комиссии, я преподаю в университете, на мехмате, приходите завтра в университет, я буду там.

Мы договорились встретиться завтра в вестибюле университета, а сейчас нужно было возвращаться, и я предложил Алисе лететь со мной. Она радостно воскликнула, повернулась ко мне, и взгляд её сделался восторженно удивлённым, как десять лет назад, когда я предложил ей сделать на планере круг над посёлком. Мой «як» был оборудован двойным управлением, и я разрешил Алисе мягко держаться за штурвал, повторяя мои движения.

Мы взлетели, развернулись над посёлком и, набрав высоту, направились в сторону города. Чтобы выйти на прямую перед аэродромом, я развернулся над портом вправо, Алиса посмотрела вниз, на причалы и, удивленно воскликнув, бросила штурвал, жестом привлекая моё внимание, она показывала вниз, на причалы, которые медленно вращаясь проплывали под крылом. Там, у третьего причала стоял парусник.

– Это же наш парусник! Я сразу узнала его! – кричала Алиса сквозь гул мотора, начисто забыв мои объяснения, о том, как пользоваться самолетным переговорным устройством.

Когда мы приземлились, и начальник аэроклуба утвердил разработанный мной маршрут, я предложил Алисе подвести её в город на своей машине.

– Это, конечно, не «мерседес», а всего лишь старенький «жигуленок», но пока ещё бегают, или Ваш жених приедет за Вами?

– Он будет ждать меня дома, а мы сможем по дороге заехать в порт? Очень хочется посмотреть на наш парусник.

– Конечно, заедем, спешить нам некуда.

Пока я утверждал маршрут, показывал Алисе наши самолеты и планера, солнце стало клониться к закату, а когда подъехали к порту, начало смеркаться. Мы подошли к причалу, где стояло судно, Стройные обводы его проступали сквозь сумерки, на причале напротив кормы парусника висел фонарь, свет его косо падал на корму судна, образуя границу света и сумерек. Алиса бросила короткий взгляд в направлении света, и как-то вся встрепенулась.

– Смотрите! – она показала рукой в направлении своего взгляда: «Слово „Бегущая“ лежало в тени, „по“ было на границе тени и света, и заключительное „волнам“ сияло так ярко, что заметны были трещины в позолоте.» – продекламировала она фразу из «Бегущей по волнам», – в точности, как у Грина!

– Действительно! – подтвердил я. – Какое дивное совпадение! А, если это так, то тот человек, что стоит на корме, облокотясь на фальшборт, не кто иной, как сам капитан, Вильям Гез. Человек, что стоял на корме и смотрел на нас, тихо засмеялся.

– Это вовсе не совпадение, я специально поставил судно на причале таким образом, чтобы все, кто подходит к нему, увидели «Бегущую» именно так, как увидел её герой романа Грина. Целый час перетягивались туда-сюда вдоль причала, пока выбрали именно это положение.

– Вы любите Грина? – спросила Алиса странного незнакомца.

– Впервые я прочел его книги в десять лет, и решил, что непременно стану моряком. Капитан дальнего плавания, Александр Иванович Корецкий, теперь уже, правда, на пенсии, – представился незнакомец. – А Вы, вижу, знаете Грина наизусть, – сказал он, обратившись к Алисе.

– Не всё, конечно, но многое, – ответила она, – особенно из «Бегущей по волнам», это моё любимое произведение. А давно у Вас этот парусник? Когда-то он принадлежал моему отцу, потом он продал его.

– Я нашёл «Бегущую» на причале местного яхтклуба, яхтклуб приобрел парусник лет десять назад, но так и не нашел ему должного применения, в качестве гоночной яхты он не годится, а устраивать на нём морские прогулки для отдыхающих нерентабельно. Он был в ужасном состоянии, я выкупил его почти за бесценок, полностью перестроил, и вот теперь собираюсь выйти в море на ходовые испытания. Да что вы стоите там, внизу, поднимайтесь на борт!

Мы поднялись по трапу на корму, и теперь разговор наш продолжился уже на палубе корабля.

– Как вы видите, это двухмачтовый бриг, – продолжал рассказ наш новый знакомый, – точнее его несколько уменьшенная копия, построен на голландских верфях ещё в позапрошлом веке. Прежде чем попасть к Вашему отцу, бриг этот сменил немало владельцев.

– Мой отец практически не плавал на нем, потому и продал.

– Неудивительно, – ответил Александр Иванович, – для управления парусником требуется квалифицированная команда матросов, причем таких, которых на современных судах просто нет. Управлять вручную парусами трудная задача. Но я всё перестроил, теперь паруса на этом бриге управляются электромоторами с пульта в капитанской рубке, в принципе, теперь судном может управлять и один человек, но у меня команда из четверых – капитан, старший помощник, штурман и судовой механик. В скором времени мы собираемся выйти в море, посмотрим, какова эта красавица в ходу. Помимо парусного вооружения, у «Бегущей» имеется

неплохой дизель, дающий и в безветренную погоду ход более двадцати узлов, точнее можно будет сказать только по завершении ходовых испытаний.

Александр Иванович пригласил нас спуститься вниз. Ещё сходя по ступеням лестницы с перилами из полированного дерева, я смог оценить великолепие внутренней отделки этого брига, когда же мы оказались в просторном салоне, я был просто поражен. Поражен тем, что салон был оборудован и обставлен именно так, как описывал Грин убранство внутренних помещений судна, которое так возбудило воображение его героя.

– Я хорошо помню этот бриг, – сказала Алиса, – и этот салон, когда судно принадлежало моему отцу, здесь всё было несколько иначе. Полагаю, переоборудование обошлось Вам недёшево.

– Да, – ответил Александр Иванович, – всё вместе: и ремонт, и механизация работы с парусами, и переустройство внутренних помещений вылилось в сумму, значительно превысившую ту, что я заплатил при покупке брига, но мне помогли. Были выделены деньги из городского бюджета, наш мэр, Анатолий Андреевич, предложил сделать «Бегущую по волнам» одним из символов города, он вложил сюда и свои личные средства.

– Я знаком с Анатолием Андреевичем по аэроклубу, он и существует ныне только благодаря его усилиям. Простите, я не представился, – с опозданием попытался исправить я свою ошибку, – Сергей Иванович, летчик-планерист, командир планерного звена нашего аэроклуба, а по совместительству преподаватель университета, или наоборот.

– Планер и парусное судно имеют много общего, – ответил капитан, – оба они зависят от стихий, недаром в старые времена парусники называли невестами ветров.

Взгляд мой, обойдя салон, остановился на стене, где висела искусно выполненная картина, как нельзя лучше гармонизировавшая с названием судна. Я заметил, что и Алиса пристально всматривается в эту картину. На ней была изображена девушка в легком белом платье, свободно бегущая по волнам, положение её тела, развевающиеся на ветру волосы, складки одежды – всё передавало стремительность и свободу полёта. Одна ножка её, оттолкнувшись от поверхности воды, летела над волнами, вторая уже коснулась пенного гребня, и клочья пены охватили её изящный башмачок, но было видно, что нога не погружается в воду, а опирается на неё, как на твёрдую поверхность.

– Нравится? – спросил Александр Иванович, заметив, что мы с Алисой внимательно рассматриваем картину.

– Великолепно, – отозвался я, – это лучшее изображение Фрези Грант, которое мне когда-либо приходилось видеть, откуда она у Вас, и кто автор?

– К сожалению, автор мне не известен, я приобрёл её на выставке, год назад.

– Это моя картина, – тихо сказал Алиса, – я написала её давно, этот образ сопровождал меня с раннего детства, и я решила запечатлеть его на полотне, я не собиралась выставлять её, но меня уговорил мой учитель по изобразительному искусству, я передала её на выставку, организованную по случаю юбилея нашего города, картину сразу же купили, я даже не знаю кто, ведь и своё имя я не указывала.

– Теперь знаете, – Александр Иванович посмотрел на Алису с явным восхищением, – у Вас, Алиса, большой талант, уверен – Ваше имя займёт достойное место в ряду известных художников, хотелось бы взглянуть на Ваши другие работы.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому, что их нет.

– Как нет?

– Просто нет, это моя единственная картина. Я ничего не писала до этого, и, возможно, ничего больше не напишу, то, что изображено на полотне, – это не картина, это нечто большее для меня, это состояние моей души, состояние души, возникшее однажды, и не покидающее

меня до сих пор. Теперь Вы понимаете, почему я не смогу написать ничего другого? Это то состояние, которое приходит к человеку один раз и остаётся с ним навсегда.

– Я верну Вам эту картину, Алиса, простите, – тихо сказал Александр Иванович.

– Нет-нет! – ответила она поспешно, но уверенно. – Картина должна непременно остаться здесь, на «Бегущей», это единственное место, где она может находиться, другого просто нет, нет, и быть не может. Она должна принадлежать тому миру, откуда возникла, это даже не моё желание, я просто *знаю*, что так должно быть.

Когда мы покинули борт судна, на город уже опустилась глубокая ночь, я отвёз Алису домой и вернулся к себе, уснуть до утра я уже не смог, а утром поспешил в университет, в приёмную комиссию, где мы договорились встретиться с Алисой.

Через два дня в аэроклубе начались соревнования, я пригласил Алису посмотреть их, и она с радостью согласилась. Машину свою, небольшой «ниссан» красного цвета, она оставила на площадке возле шлагбаума аэродрома, и, приветливо взмахнув рукой, бежала ко мне по зелёной траве к стоянке планеров, где я вручал пилотам карты с маршрутом, поясняя некоторые детали. Когда я наконец освободился, она подошла поближе и радостно сообщила:

– Я подала документы на филфак, экзамены уже через неделю, уверена, что потуплю, у меня хорошая подготовка по всем предметам.

– Не сомневаюсь в этом, непременно поступите, а сейчас увидите, как планера поднимаются в воздух, как набирают высоту, потом они уйдут на маршрут, и уже ничего видно не будет, а если дождетесь, то посмотрите их посадку. Я мог бы посадить Вас в кабину к какому-либо пилоту, но на соревнованиях этого делать нельзя. Планер – очень легкий летательный аппарат, и от того, сколько человек в кабине, зависит центровка и вес, а значит, и летные характеристики. Поскольку на соревнованиях все спортсмены должны находиться в одинаковых условиях, правилами предусмотрено присутствие только одного пилота в кабине. Скоро Вы и сами будете участвовать в подобных состязаниях, а пока можно только смотреть.

– Это ничего, я поступлю, обязательно поступлю в университет, тогда мы сможем приступить к полетам?

– Занятия в университете начнутся первого сентября, конечно, в аэроклубе ещё будут полеты в это время, но для того, чтобы начать учиться летать, нужно прежде пройти теоретическую подготовку. Занятия начнутся только в декабре, Вы изучите устройство планера, наставления по производству полетов, самолетовождение, это наука аэронавигации, метеорологию, сдадите экзамены, и только весной мы приступим к реальным полетам.

– Боже! Как долго! Но не сомневайтесь, – взгляд её стал серьёзным, – я буду прилежной ученицей.

– В этом я не сомневаюсь!

Соревнования начинались, пилоты выкатывали свои легкокрылые машины к месту старта, самолёты-буксировщики прогревали моторы и выруливали на старт, чтобы подцепить планера и поднять их ввысь, откуда они начнут свой путь по маршруту.

К шлагбауму аэродрома подъехал джип кофейного цвета, тот, на котором выехала из посёлка Алиса со своим женихом во время нашей недавней встречи там, где планировал я разместить судью первого поворотного пункта. Он резко затормозил, так, что из-под колес поднялись клубы пыли. Хлопнула дверца, и из машины вышел молодой человек, быстрой нервной походкой он направился к нам.

– Это мой жених, Андрей Туманский, – представила его Алиса, когда он подошёл, – а это, – сказала она, представляя меня своему жениху, – Сергей Иванович, мастер спорта по планеризму.

Я протянул руку Андрею, но он не принял её, теперь он вовсе не был похож на того телёнка, каким казался и как отозвалась о нём Алиса во время нашей первой встречи. Он

смотрел на меня маленькими, глубоко посаженными глазами, в них отражалась злоба и неприкрытая неприязнь, затем он отвернулся от меня и резко сказал Алисе:

– Что ты здесь делаешь?

– Приехала посмотреть, – спокойно ответила она.

– Нечего тут смотреть! Ты что задумала? Собралась поступать в университет? Через месяц мы с тобой должны лететь в Англию! Или ты забыла? А Вы, – обратился он ко мне, – вместо того, чтобы заниматься делом, морочите голову девчонке!

– Алиса уже не ребёнок, – возмущенно ответил я, – думаю, она сама вправе решать свою судьбу.

– Не лезьте не в своё дело! – резко ответил Андрей. – А ты, – он повернулся к Алисе, взгляд его был жёстким и неприятным, – сейчас же, слышишь, немедленно едешь со мной, твою машину я заберу потом, нас ждут мои родители, нужно оговорить все условия нашей свадьбы!

– Я никуда не поеду, – ответила она тихо, но твёрдо, – и мы ничего не будем обсуждать, никакой свадьбы не будет.

– Но это невозможно! Ты совсем голову, потеряла? Всё уже решено!

– Кем?! Кем решено? Вами? Тобой и твоим папашей? А меня? Меня кто-нибудь спросил? Чего хочу я?

– Чего хочешь ты, никого не волнует, твой отец дал согласие, этого достаточно!

– Это вам не средние века! Мой отец, конечно, человек жёсткий, но он не изверг и не тиран! Он никогда не выдаст свою единственную дочь замуж помимо её воли! Так и передай своим родителям! Свадьбы не будет! Всё, уезжай, я вернусь на своей машине, и не к вам, а в свой дом, к своим родителям!

– Ты ещё пожалеешь об этом! А Вы, – он повернулся ко мне и смерил меня с ног до головы испепеляющим взглядом, – не лезьте в чужие дела, иначе... Он не договорил, оборвав уже начатую фразу угрозы, резко повернулся и быстро пошёл к своей машине. Взревел мотор, и машина рванула с места, раздался визг пробуксовывающих колёс, и поднялось облачко пыли, вскоре она исчезла за поворотом.

– Извините, – сказал я Алисе, – что стал невольным свидетелем Вашей ссоры с женихом.

– Это не ссора, это разрыв всех отношений, полный и окончательный!

– Не спешите делать выводы, всё ещё может поменяться.

– Нет, – сказала она спокойно и тихо, – ничего уже не поменяется. Никогда. С тех пор, как я решила поступить в университет, выяснилось многое, такое, о чём я и не подозревала, ни я, ни мои родители. Знаете, как бывает, в болоте стоит вода, она кажется всем чистой и прозрачной, а там, на дне, грязь и ил, но грязи не видно. Стоит только кому-то бросить в воду камень, как всё меняется, грязь поднимается на поверхность, вода становится мутной и тёмной. Так произошло и со мной, моё решение учиться в университете стало тем камнем, что поднял всю муть со дна, всё, что прежде казалось мне чистым и ясным, оказалось грязью, ложью и предательством. Бизнес Туманского на грани банкротства, и Вадим Николаевич решил поправить свои дела, женив сына на мне. Он был уверен, что мой отец, в качестве свадебного подарка, переписет на меня большую часть своих акций. Да, он собирался переписать часть акций на меня, но не сейчас, а потом, когда я овладею всеми тонкостями управления бизнесом, он хочет приобщить меня к семейному делу. А Вадим Николаевич настаивает на том, чтобы акции были переписаны на меня прямо сейчас, он хотел решить свои проблемы, а я была только разменной картой в его грязной игре. Отец это понял, наконец, он прекратил с Туманскими всякие отношения.

Мы много говорили с отцом, сперва он был резок и непреклонен, настаивал, чтобы я непременно отправилась на учебу за границу. Потом поговорили спокойно, мама была на моей стороне, и он согласился. Он считает моё увлечение и Грином, и авиацией детскими романти-

ческими бреднями, думает, что со временем всё это пройдёт, да и, в конце концов, филология и авиация не помешают серьёзному занятию бизнесом. А Вы как считаете?

– Я думаю так же. Возьмите, например, нашего мэра, он каждый день начинает с полётов, летает на спортивном пилотажном самолёте. Анатолий Андреевич высококлассный пилот, когда-нибудь увидите, как выполняет он фигуры высшего пилотажа над самой землёй. Но это никак не мешает ему управлять сложным городским хозяйством. Вот и сейчас, он улетел на в Болгарию на соревнования по высшему пилотажу, скоро вернётся, думаю, с призами. Идёмте на старт, посмотрим, как взлетают планера.

Первый планер уже выкатили на старт, самолёт-буксировщик вырулил на взлётную полосу, и остановился перед планером, развернувшись в направлении взлёта. Пилот занял место в кабине планера, я подсоединил буксировочный фал, прицепленный к самолёту, к буксировочному замку планера, хлопнул по фонарю кабины, давая понять пилоту, что фал подцеплен. Затем я поднял крыло планера за законцовку, и стал подавать рукой знаки пилоту самолёта, что можно выбирать слабина. Пилот самолёта-буксировщика увеличил мощность мотора, и самолёт медленно пополз вперёд, натягивая фал, который до этого просто лежал на земле. Когда же, наконец, слабина была выбрана, и фал натянулся, как струна, я поднял руку, показывая пилоту буксировщика, что слабина выбрана и можно взлетать. Самолёт замер на несколько секунд, затем, оглашая пространство рёвом винта на взлётном режиме, начал разбег. Планер двинулся вперёд, я сделал несколько шагов, поддерживая его за законцовку крыла, затем отпустил. Планер, набрав скорость, оторвался от земли и летел в полуметре от поверхности полосы, а самолёт все ещё бежал, набирая скорость. Пыль, поднятая колёсами его шасси, летела навстречу, потом она улеглась, самолёт уже поднялся в воздух, и, выдержав некоторое время, начал набор высоты, планер шёл за ним на буксире. Следом за первым в воздух поднялся второй, третий планер. Аэропоезда – самолёты с планерами на буксире кружили над аэродромом, набирая высоту. Набрав высоту и нащупав восходящий поток, пилот самолёта покачал крыльями, давая знак планеристу, что можно отцеплять буксировочный фал. Отцепленный от планера фал змеей ушёл вслед за самолётом, который, накрываясь на крыло, пошёл на снижение, и, сделав круг, зашёл на посадку. Планера один за другим поднимались в воздух, набирали высоту.

Алиса, прикрывая ладонью от солнца глаза, с восхищением смотрела, как планера, кружась в восходящем потоке. Они поднимались всё выше и выше, становясь похожими на стаю аистов, парящих в поднебесье. Потом, набрав достаточную высоту, стали выходить из потока и ложиться на курс. Они не шли друг за другом в определённом порядке строя, которого придерживается в полёте группа самолётов или даже стая птиц, полёт их казался беспорядочным, и Алиса спросила меня, почему они летят так, каждый по-своему?

– Удивляешься, почему они не летят так, как бегут спортсмены на беговой дорожке?

– Ведь цель у них одна? – подтвердила Алиса свой, выраженный удивлённым взглядом, вопрос.

– Цель одна, но каждый выбирает свою дорогу к цели, помнишь О'Генри, «Дороги, которые мы выбираем»? Для планериста в небе, как, впрочем, и в жизни для каждого из нас, нет проторенных дорог, нет указателей, нет знаков, предупреждающих об опасности, восходящие потоки невидимы, и ты не знаешь, где тебя поднимет вверх, а где бросит вниз, есть лишь определённые признаки, знамения, которые нужно уметь читать и строить свой маршрут так, чтобы долететь до цели. У планера нет мотора, и он, освободившись от самолёта-буксировщика, оказывается во власти бескрайней воздушной стихии, как парусник во власти ветра, для того, кто знает и понимает эту стихию, она поможет ему достичь своей цели, для того же, кто полагается лишь на удачу, стихия эта может погубить его.

Планеров уже не было видно, их очертания вскоре растаяли в небесном просторе, и только громкоговоритель, установленный на стартовом командном пункте, разрисованном

черными и белыми квадратами, как шахматная доска, повторял доклады пилотов и судей о прохождении поворотных пунктов.

Прошло время, и вот на горизонте снова возникли планера, сначала это были лишь точки, едва заметные по бликам солнца, отражённого плоскостями, затем очертания их становились всё реальнее, всё ближе подходили они к аэродрому. Первым шёл планер под номером семнадцать, он летел низко над землёй, заходя на посадку с прямой, достигая максимальной скорости, какую только позволяла ему достичь высота.

– Это называется – «идти на долёт», – объяснял я Алисе, – в обычных условиях для захода на посадку нужно строить прямоугольный маршрут, и после четвёртого разворота выйти на посадочный курс, но на соревнованиях, когда победу решают минуты, разрешается заходить на посадку с прямой, используя высоту для того, чтобы развить максимальную скорость при подходе к аэродрому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.